

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

УДК 330.342.146(045)

ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ*

КОСОВ МИХАИЛ ЕВГЕНЬЕВИЧ

кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра финансовой политики Института финансово-экономических исследований, Финансовый университет, Москва, Россия

E-mail: kosovme@gmail.ru

АННОТАЦИЯ

На развитие экономических отношений влияют не только производительные силы, но и нематериальные ценности, институты, которые во взаимодействии с экономическими отношениями создают постоянные положительные импульсы. Необходимость и актуальность подходов именно в этом ракурсе объясняются, во-первых, тем, что структурное развитие материальных производительных сил в России далеко от соответствия постиндустриальному обществу. Во-вторых, сформировавшаяся социально-экономическая система России – это система «периферийного капитализма», она прочно укоренилась в общественных отношениях, общественном сознании и «является главным препятствием для реализации нашей страной ее исторического шанса перехода как в разряд экономически развитых, так и реально политически суверенных, влиятельных государств» [1, с. 4]. В статье предлагаются модели социально-экономического развития России, которые строятся с учетом интеграции фундаментальных посылок, определяющих долгосрочные перспективы построения социально ориентированного государства. Современная институционализация динамики экономических отношений в России в сфере распределения и потребления должна иметь в качестве целевых ориентиров преодоление бедности значительной части населения, чрезмерной поляризации по уровню доходов и усиление стимулирующей функции в формировании доходов различных социальных слоев и групп.

Ключевые слова: историческое развитие; экономическое развитие; государство; собственность; модели модернизации; человеческий капитал.

THE PROSPECTS OF FORMING SOCIAL MARKET ECONOMY**

MIKHAIL E. KOSOV

PhD (Economics), Associate Professor, Senior Researcher, the Center for Financial Policy of the Institute of Financial and Economic Research, the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

E-mail: kosovme@gmail.ru

ABSTRACT

The development of economic relations is influenced not only by the productive forces but also by intangible values and institutions which interact with economic relations to create a strong positive impetus. The necessity and timeliness of the approaches in this perspective is explained, firstly, by the fact that structural development of the material productive forces in Russia is far from meeting the post-industrial society needs. Secondly, the existing social and economic system in Russia is actually a system of «peripheral capitalism» which is firmly rooted

* Статья написана по материалам диссертационного исследования на соискание ученой степени доктора экономических наук.

** The article is written on the base of dissertation research for the degree of Doctor in Economics.

in social relations and public opinion and remains «a major impediment hampering Russia to use the historical chance to join the world of developed, sovereign, influential states» [1, p. 4].

The article showcases the models for social and economic development of Russia; these models are built through integration of the fundamental assumptions that determine the long-term prospects of building a socially-oriented state. The modern institutionalization of dynamics of the economic relations in Russia in the field of distribution and consumption should be focused on overcoming the poverty of a large part of the population as well as an excessive polarization of incomes; on increasing the incentive function in the formation of incomes of various social strata and groups.

Keywords: historical development, economic development, state, property, model of modernization, human capital.

Видение будущего основано на знании непрерывающейся линии исторического развития человеческого общества. Для выработки философии экономического развития необходимо глубокое изучение прошлого с применением во многом усовершенствованной современной методологии. Для нас важно не только производство материальных благ, но и производство, распределение, обмен, потребление духовных ценностей, информации, услуг. В связи с этим на развитие экономических отношений влияют не только производительные силы, что предполагает узкоматериалистический подход в исследовании, но и нематериальные ценности, институты, которые во взаимодействии с экономическими отношениями создают постоянные импульсы, приводящие к изменению последних даже при тех же производительных силах.

Необходимость и актуальность подходов именно в данном ракурсе объясняется, во-первых, тем, что структурное развитие материальных производительных сил в России далеко от соответствия постиндустриальному обществу. Сфера высоких технологий, имеющих мировую конкурентоспособность и созидательную направленность, представлена лишь освоением космоса и атомной энергетикой. Несомненно, эти позиции надо не только сохранять, но и преумножать. При этом, как пишет Л. И. Абалкин: «Если быть честным и открытым, то надо признать, что Россия никогда не будет второй супердержавой... даже при самых амбициозных намерениях, хорошо бы удержаться в десятке наиболее развитых стран (по общему объему ВВП)» [2, с. 4].

Во-вторых, сформировавшаяся социально-экономическая система России, носящая черты предшествующего периода развития, — система «периферийного капитализма», она прочно

укоренилась в общественных отношениях и общественном сознании и «является главным препятствием для реализации нашей страной ее исторического шанса перехода как в разряд экономически развитых, так и реально политически суверенных, влиятельных государств». Эта система, в которой провозглашенные институты не соответствуют сформировавшимся экономическим отношениям, является главным препятствием *на пути модернизации страны.*

Такой подход достаточно новый, поскольку ранее в установлении закономерностей и периодизации развития общества был необходим критерий, привязанный к производственной сфере. В целом разработано множество вариантов периодизации хозяйственной истории человечества.

Доминирующей, традиционной и весьма распространенной позицией является деление исторического развития на три эпохи: доиндустриальную, индустриальную и постиндустриальную. Эти термины закрепились, хотя и вызывают массу критики с позиции их смысловой теоретической нагрузки. Данные концепции ограничены тем, что основаны на определяющей роли в развитии факторов производства и тем самым выражают отношение человека к природе, в результате которого происходит ее преобразование для удовлетворения потребностей, однако это не учитывает формы общения между людьми в ходе стадий процессов производства, обмена, распределения и потребления благ. Коммуникации усложняются, но в то же время наследуют признаки предшествующих форм, которые концентрированно выражаются через отношения собственности. Поэтому не случайно сама категория «собственность» предстает как институт и как экономические отношения.

В связи с этим, применяя методологию нашего исследования, можно определить движение общества по следующим основным этапам: период зарождения, развития и преобладания общинной формы собственности; период зарождения, развития частной собственности и замещение ею общинной собственности; период нарастания многообразия форм собственности, сочетание коммунальной, в том числе социальной, и частной собственности. Именно многообразие собственности соответствует развитию социально ориентированной рыночной экономики.

Преемственному эволюционному развитию социально ориентированной рыночной экономики способствовал долгий период развития частной собственности. Уклонение от такого курса приводит к печальным результатам даже в развитых странах: порождает социальное иждивенчество, потерю навыков и, можно сказать, инстинктов самосохранения. Более справедливое распределение и перераспределение социальных благ с позиции различных социальных теорий успешно лишь в том случае, когда оно осуществляется через воздействие на личность, иначе процессы эффективности и социализации обычно затухают [3, с. 91].

Традиционно модель социального рыночного хозяйства связывается с моделью социально-экономической системы, созданной в ФРГ после Второй мировой войны. В этот период были проведены важные экономические реформы, которые явились одной из предпосылок экономического роста в ФРГ, основой так называемого «западногерманского экономического чуда». Теоретической платформой этих реформ, а также реформ в ряде других стран Запада стал неолиберализм. Методологически неолиберализм наиболее близок к новой исторической школе, для которой характерна трактовка процесса общественного развития как медленной, постепенной эволюции. Принципы неолиберализма родственны традиционному либерализму лишь в той части, что ими поддерживается и развивается идея индивидуальной свободы на основе всемерного укрепления и поощрения частной собственности. Вместе с тем неолибералы, в отличие от своих предшественников, оценивали процессы хозяйственной жизни с макроэкономических, а не

микроэкономических позиций. В связи с этим выводилась особая роль институтов и государства, которое, по мнению В. Оукена (*Walter Eucken*), не должно ограничиваться ролью «ночного сторожа». Именно из пассивности государства он выводил подрыв совершенной конкуренции в форме процессов монополизации и все социальные издержки капитализма, которые, как он считал, могут быть устранены при помощи государственного вмешательства в экономику.

В работах экономистов были сформулированы важнейшие положения, которые стали основой модели социального рыночного хозяйства. Во-первых, согласно их идеологии, государство должно отдавать приоритет не регулированию хозяйственных процессов, а установлению форм и правил поведения хозяйствующих субъектов. Их основной лозунг: «Государственное планирование хозяйственных форм — да, государственное планирование и регулирование хозяйственного процесса — нет!». Во-вторых, они провозглашали, что основой общества, строящегося на принципах свободы и демократии, является конкурентный порядок в экономике. В-третьих, в обществе комплексно, органично развиваются все стороны жизни, и прежде всего экономическая и политическая. При этом необходимо обеспечение *их соответствия* друг другу.

В мировом контексте индустриальный этап развития характеризовался тем, что государство в форме поиска институциональных мер пыталось реагировать на неоднозначные последствия в экономических отношениях. Это был период «нащупывания» ориентиров в области регулирования естественных процессов экономических отношений. Так, под лозунгом «минимального государства» свободная конкуренция постепенно (под влиянием концентрации производства и капитала) в конце XIX в. привела к формированию монополизации. Частная собственность становилась достоянием немногих и обостряла противоречия в сфере распределения. Казалось, что государственная монополия и государственное участие в регулировании хозяйственных процессов — это реальная возможность заставить монополии работать в интересах всего общества. Однако опыт развитых стран, а также

масштабный эксперимент СССР доказали, что хозяйственные процессы — это прерогатива частного сектора; институциональные формы ограничения действий монополий — вот к чему надо стремиться.

Именно индустриальный этап обострил конфликт между трудом и капиталом, и государство вынуждено было брать на себя функции не только социальной защиты, но и удержания этого конфликта в определенных рамках на основе политических и экономических мер.

Процессы социализации не были связаны только с деятельностью государства. Очень важно, что развитие социальной защиты, прежде всего трудящихся, поскольку именно они не застрахованы материально от кризисных периодов, шло параллельно с процессами социализации в экономической сфере, и это порождало уверенность в собственных силах каждого члена общества и его ответственность за собственную судьбу. Происходило развитие малого бизнеса, где в одном лице соединяются собственник и труд. Трудящиеся все активнее принимали участие в капитале и управлении производством. «Человеческий капитал» стал воспроизводиться на новой качественной основе благодаря не только институтам «государственной защиты», но и тем потенциям, которые давал им институционально организованный рынок. На этой основе социально ориентированное рыночное государство сочетает стабильность в обществе с динамизмом инновационного развития. «Тонкая настройка» институтов социальной рыночной сферы обеспечила не только стабильность в обществе, но и развитие экономических отношений, соответствующих новому постиндустриальному этапу развития.

Значительные трансформации экономических отношений в ведущих странах вызваны не столько прогрессом высоких технологий, сколько социальными институтами. В постиндустриальном обществе наука становится производительной силой, а информация и знания — важнейшим ресурсом экономики. Человек не только носитель рабочей силы, но и обладатель уникальных интеллектуальных способностей, которые являются результатом творческой деятельности человека. В таком

обществе основным условием высокого благосостояния может выступать личная собственность, которая состоит из уникальных способностей человека. В постиндустриальном мире собственник информации или знания выходит за рамки массового производства и покидает ряды пролетариата. За такого человека необходимо вести борьбу институциональными мерами.

Россия в результате реформ 1990-х гг. не сформировала институты, когда инновационные импульсы, модернизация экономики происходят преимущественно «снизу», с уровня экономических отношений. Россия перманентно попадает в ловушку «избыточного государства» (по аналогии с «минимальным государством»), которое формирует импульсы развития «сверху».

Существуют две модели модернизации — «сверху» (со стороны государства) и «снизу» (со стороны экономических агентов) [4, с. 100–102]. При этом явно видна ущербность первой модели, и прежде всего в эпоху постиндустриального развития. Для нас значимо то, что в случае «избыточного государства» происходит стагнация политических институтов, рыночных институтов и институтов социальной защиты.

Концентрация власти приводит к принуждению против закона, что означает манипулирование гражданским обществом и бизнесом в собственных интересах. Институты социальной защиты используются только для поддержания стабильности, а не как необходимый фактор человеческого развития. Реформы, проводимые только «сверху», не способны привести к реальным изменениям в образе жизни и поведении людей, высвободить их созидательную энергию. При этом «расширенные полномочия государства» практически не поддаются секвестрированию, и бюрократия, а не социальные услуги воспроизводятся во все возрастающих масштабах.

Процессы стагнации данной модели проявляются уже в настоящее время. Так, в моделях ведущих стран, где импульсы идут преимущественно со стороны экономических агентов, экономических отношений, раскрылся инновационный потенциал малого предпринимательства; в то же время ситуация в России

по данному сектору существенно отличается. В развитых странах на долю малого бизнеса приходится 60–70% валового национально-го продукта. Доля малых предприятий в ВВП России — 12–15%. Активный количественный рост малого бизнеса в развитых странах сопровождался его переходом на новый качественный уровень. В США предприятия малого бизнеса обеспечивают 55% всех инноваций, в Европе научные и инновационные компании с венчурным капиталом дают 50% промышленной продукции, а в России — лишь 4,3%. Причем в развитых странах такие компании развиваются в условиях тесных экономических отношений с ведущими крупными корпорациями. На предприятиях малого бизнеса сосредоточена преобладающая часть рабочей силы (от 40 до 50%) в таких странах, как Япония, Италия, Швейцария, и очень значительная (около 30%) — в США и ФРГ. В России только 17% трудоспособного населения заняты в малом предпринимательстве.

Общий итог: в 2013 г. — печальный юбилей стагнации малого бизнеса в России: ровно 15 лет назад (в 1998 г.) число малых предприятий достигло 850 тыс. и с тех пор практически не менялось (для сравнения: во Франции — 1980 тыс., в Великобритании — 22 630 тыс.). [5, с. 87–88].

Индикатором «неблагополучного развития» является и «утечка умов» из России, этот процесс разрушает необходимый фактор экономического инновационного роста.

Каков социально-экономический ущерб от «утечки умов», прежде всего из науки? По оценкам специалистов, это несколько десятков миллиардов долларов в год, включая затраты на образование и упущенную выгоду. По иным оценкам, до 50 млрд долл. в год.

Последнее характеризуют, в частности, следующие данные: если к началу 1992 г. в России в сфере науки и научного обслуживания были заняты примерно 3,5 млн человек (в том числе научных сотрудников — 2,1 млн человек), то на начало 1995 г. — только 1 124,7 тыс., из них научных сотрудников — 643,3 тыс. человек. Это не в последнюю очередь стало следствием «утечки мозгов», главным образом в виде непосредственной эмиграции: из страны выехало за рубеж на постоянное место жительства около

10% численности научных работников (примерно 75 тыс. человек) [6, с. 122–123].

Весьма значительным компонентом внешней «утечки мозгов», по своим масштабам намного превышающим отмеченную интеллектуальную эмиграцию, стал выезд за границу значительного числа ученых и специалистов на временную работу, главным образом на контрактной основе. Только через посредство Федеральной миграционной службы РФ ежегодно за границу выезжают около 7–8 тыс. человек. К тому же есть тенденция к превращению временной эмиграции в постоянную.

В процессе «утечки мозгов» наносится ущерб государственным интересам и экономике России, которая, затратив большие средства на подготовку своих ученых и специалистов, значительное их число теряет, при этом снижается уровень экономической и технологической безопасности. Согласно недавним расчетам американских социологов стоимость подготовки одного высококвалифицированного специалиста научно-технического профиля обходится примерно в 800 тыс. долларов. С учетом того, что среднегодовые темпы эмиграции научных работников из России в последние годы оценивались в 5–5,5 тыс. человек, государство ежегодно терпит ущерб в 4–4,5 млрд долл. Если же к категории научных работников добавить высококвалифицированных инженерно-технических специалистов, представителей медицинских профессий, учителей и деятелей культуры, то, по некоторым данным, общий годовой ущерб России от «утечки мозгов» доходит до 50–60 млрд долл. Эта тенденция также выражает безмолвный социальный протест гражданского общества, которое подчас не имеет возможности заявить о своих правах и отстаивать их.

В институциональном каркасе построения социально ориентированного рыночного государства можно выделить два документа, которые определяют конкретные принципы, механизмы и направления реформирования социальной сферы и модернизации экономики. Это Концепция социального государства РФ и Основные направления социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу [7, с. 50–55].

Долгий путь разработки Концепции социального государства обеспечил достаточно совершенный продукт, соответствующий идеям социального партнерства, принятым во всех странах, претендующих на социальный тип своей государственности (хотя и реализующих его в разной степени).

Концепция ориентирована на создание условий для свободного развития и самореализации творческого (трудового) потенциала личности. Следовательно, во-первых, наибольшей ценностью и носителем высших интересов провозглашается личность, во-вторых, активная личность, ответственная за свою судьбу. Система обеспечения благополучия личности и благоденствия общества обеспечивается через механизмы перераспределения продуктов труда в соответствии с принципами социальной справедливости.

В Концепции определены приоритеты в сферах: занятости; политики доходов; систем жизнеобеспечения населения, социальной защиты; демографического развития; охраны окружающей среды; региональной социальной политики; молодежной политики. Все эти приоритеты верны, но должны наполняться конкретным содержанием через систему государственных социальных стандартов, иначе цели, приоритеты остаются весьма размытыми, что не позволяет гражданину их отстаивать. Кроме того, человек должен иметь реальную возможность бороться за свои социальные права.

Основные направления социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу, в которых обоствляется модель модернизации, основаны на высвобождении частной инициативы и усилении роли государства в обеспечении благоприятных условий хозяйствования. Важнейший постулат долгосрочной государственной программы развития России до 2020 г. состоит в отказе от патерналистской модели и переходе к модели субсидиарного государства, которое отвечает перед обществом за обеспечение лишь минимального объема общественных товаров и услуг для воспроизводства человеческого капитала, а не исходит из их разумной достаточности для осуществления долгосрочных целей выхода страны на траекторию устойчивого экономического роста. Все,

что превышает необходимый «минимум» услуг государства по воспроизводству человеческого капитала, граждане должны зарабатывать и обеспечивать себе сами. В субсидиарной модели государство финансирует производство рабочей силы и реализует социальную политику не в силу обязательств перед обществом и стратегических приоритетов, а исходя из «реально имеющихся ресурсов и возможностей», что позволяет государству маневрировать своими обязательствами.

Однако стратегические приоритеты провозглашены: это система социальной защиты и инвестиции в человеческий капитал, финансирование судебной системы, расходы на национальную оборону, содействие научно-технологическому прогрессу, прежде всего в сферах высоких технологий (инноваций).

С экономической точки зрения инновации — это средство производства богатства. Для фирмы инновации должны обеспечивать ее доминирование на рынке, для страны — мировое лидерство в той или иной области, вхождение в группу высокоразвитых стран. Такие инновации носят целенаправленный характер. В современных условиях для активизации технологической инновационной деятельности передовые страны уже не ограничиваются только созданием условий институциональной и гражданской стабильности, защиты прав инновационной собственности, что также немаловажно (данный ресурс не исчерпан и для России), в этих странах разрабатывается стратегическая инновационная политика, которая способствует переходу экономик к преимущественно инновационному типу развития. «Опыт новых индустриальных стран показывает, что в условиях несовершенства рыночных механизмов, помимо общих институциональных реформ и улучшения инвестиционного климата, нужно двигаться еще, по крайней мере, в двух направлениях: уменьшение прямых издержек выхода на новые рынки; снижение прямых рисков новых проектов» [8, с. 80].

Весьма интересен в этом плане опыт стран Юго-Восточной Азии, которые принято называть «дальневосточными тиграми». Для этих стран характерна ориентированная на экспорт промышленная политика. Развитию экспорта были подчинены все экономические шаги

государства и частного капитала. Началу реализации экспортной стратегии предшествовало тщательное изучение конъюнктуры мирового рынка и национальных возможностей.

Поскольку полностью «провалы государства» устранить нельзя, необходимо искать модели и формы экономических отношений, которые бы существенно их уменьшили. Модели таких отношений созданы и успешно действуют в развитых странах, их основной принцип — частно-государственное партнерство. Первая модель — существенное софинансирование проектов со стороны бюджетов разных уровней. Особенно это необходимо на начальных стадиях реализации инновационных проектов общерегионального значения, так как снижает базу особого риска затрат.

Все меры активной инновационной политики со стороны государства будут искажены или полностью уничтожены внешними эффектами, в частности международными экстерналиями, если в экономике нет процесса согласования противоречивых интересов и прохождения инновационных сигналов. Для этого общество должно быть единым целым, каждый отдельный человек должен видеть перспективу своего развития в стране, при этом предприятие становится связующим звеном между государством и работниками, а следовательно, собственники несут огромную социальную ответственность. Именно внутри фирмы, корпорации складываются отношения социального партнерства, относительного единства интересов в выживании и конкурентоспособности, корпоративная этика. Инновации в развитии внутрикорпоративных отношений, распространяясь, транслируясь на макроэкономический уровень, способны влиять на эффективную институционализацию и стабилизацию всей системы экономических отношений в обществе.

Весь европейский (а также мировой) опыт свидетельствует о наличии зависимости между правовой (институциональной), технической модернизацией и экономическими отношениями. В Европе обязательной предпосылкой формирования индустриальной модели роста была отмена феодального права собственности на землю как главный производственный ресурс и ликвидация связанных с ней добуржуазных

структур и институтов. Однако начавшаяся индустриализация никогда не была самодостаточной и не достигала самоподдерживающегося роста, если не было роста производительности во всех секторах экономики. В Испании, Португалии, где начавшиеся преобразования аграрных экономических отношений приводили к усилению неравенства в распределении земли и власти, процесс индустриализации приобретал ограниченный характер и вызывал растущую дезинтеграцию экономики и общества. Промышленные предприятия, создаваемые искусственно (часто с помощью государственных средств) в отсталых районах, не приносили ожидаемого мультипликативного эффекта. Такие тенденции легко экстраполируются на современное развитие России и отдельных ее регионов [9, с. 54–59].

В конечном счете развитие производства является не самоцелью, а средством достижения социальных целей. Поэтому инвестиционные проекты должны подвергаться тщательной экспертизе с точки зрения возможных отрицательных экстерналий. Ориентируя экономику исключительно на спрос, рыночные силы стимулируют все большее вовлечение природных ресурсов в хозяйственный оборот, что отрицательно сказывается на состоянии окружающей среды и способствует обострению проблем развития территорий. В последние годы во многих регионах внедряются экологически опасные проекты с привлечением чаще всего иностранных инвестиций. Однако они дают только кратко- или среднесрочный эффект. Кроме того, часто эти проекты ориентированы на начальный цикл производства, следовательно, имеют два значительных недостатка для местного сообщества и территории: во-первых, значительная часть добавленной стоимости, образуемая за счет завершающих циклов производства, уходит из области; во-вторых, это самые «грязные» циклы, максимально эксплуатирующие окружающую среду.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что модель социально-экономического развития России должна строиться с учетом интеграции следующих фундаментальных посылок, определяющих долгосрочные перспективы построения социально ориентированного государства:

1) рынок не должен находиться на должности высшего арбитра в вопросах размещения и ценности благ. Сдерживающими факторами для рынка должны служить законодательство и такой социальный порядок, при котором справедливость и атмосфера сотрудничества играют более значимую роль, нежели безликие силы спроса и предложения;

2) модель должна быть ориентирована не на рост, а на развитие, сущность которого заключается не столько в накоплении капитала и приращении дополнительной рабочей силы, сколько в перераспределении наличного капитала и наличной рабочей силы из менее эффективных сфер экономической деятельности в более эффективные;

3) критерий национальной модели развития должен быть социально-экономическим: рост ВВП на основе модернизации и повышение жизненного уровня населения с массированными вливаниями в «человеческий капитал»;

4) вышеназванные положения должны быть существенно скорректированы с учетом современных эволюционных процессов, прежде всего процессов глобализации, характеризующихся мощными внешними межстрановыми эффектами, которые для России преимущественно отрицательные, проявляющиеся в утечке капиталов и «утечке умов».

В системном решении этих проблем первичным базовым элементом является человек с его интересами. Насколько нам известно, так комплексно, с учетом современных реалий и акцентированием внимания на интересах участников динамики экономических отношений, проблема не ставилась.

Анализ тенденций динамики экономических отношений во взаимосвязи с институтами показал, что аллокативная эффективность (распределение ресурсов) под влиянием рыночных механизмов дополняется в развитых обществах механизмами распределительной (дистрибутивной) справедливости. Такое институциональное воздействие в сфере распределения и потребления способствует активизации человеческого потенциала — главного ресурса в постиндустриальной экономике. Это не только снижает конфликт потенциалов в обществе, но и способствует перенесению эффекта из социальной сферы в производственную.

Современная институционализация динамики экономических отношений в России в сфере распределения и потребления должна иметь в качестве целевых ориентиров преодоление бедности значительной части населения, чрезмерной поляризации по уровню доходов и усиление стимулирующей функции в формировании доходов различных социальных слоев и групп.

Проблемы социализации экономики в сфере распределительных отношений связаны с провозглашаемыми приоритетами и их реальным осуществлением, прежде всего с помощью бюджетной политики. К сожалению, в России существует реальная опасность проявления «эффекта вытеснения», когда в составе ВВП расходы на общегосударственную деятельность становятся доминирующими (вследствие разрастания госаппарата, неадекватного роста затрат на военно-промышленный комплекс, содержание силовых структур и т. д.). Это приводит не только к снижению социальных расходов, но и кумулятивному эффекту снижения расходов домашних хозяйств, сбережений и инвестиций.

Стратегическая ориентация на построение социально ориентированной рыночной экономики предполагает в каждой стране комплекс базовых и специфических институциональных мер, учитывающих предшествующую траекторию развития страны и современные международные экстерналии. Однако такое «выращивание институтов» не должно быть оторвано от динамики экономических отношений. В связи с этим институтогенез должен быть дополнен выращиванием особых институтов, которые бы обеспечивали прохождение сигналов с микроуровня (уровня экономических отношений) на макроуровень (уровень построения институтов).

ЛИТЕРАТУРА

1. Дроздов В. В. Проблема типологии социально-экономического строя современной России в работах зарубежных аналитиков // Экономическая история. Обзор. 2003. Вып. 9. С. 79.
2. Абалкин Л. Размышления о долгосрочной стратегии, науке и демократии // Вопросы экономики. 2006. № 12. С. 4.

3. Косов М.Е. Три фазы экономического исследования // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 8. С. 50–55.
4. Косов М.Е. О критериях равновесия—неравновесия экономической системы // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 2. С. 54–59.
5. Балихина Н.В., Косов М.Е. Бюджетно-налоговое регулирование инвестиционной активности российской экономики // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 11. С. 186–191.
6. Косов М.Е., Зеленская Е.А. Бюджетные и налоговые отношения в городе Москва. Теоретические и методологические аспекты: монография. М.: ЮНИТИ-Дана, 2010. 175 с.
7. Косов М.Е. Малое предпринимательство и его роль в процессе инновационного развития экономики // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2006. Т. 12. № 4. С. 100–102.
8. Дроздов В.В. Проблема типологии социально-экономического строя современной России в работах зарубежных аналитиков // Экономическая история. Обзорение. 2003. Вып. 9. С. 79–81.
9. Косов М.Е. Равновесие экономической системы: монография. М.: Российский государственный торгово-экономический университет (РГТЭУ), 2012. 294 с.
- research]. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii — Bulletin of the Moscow University of the Russian Interior Ministry. 2011, no 8, pp. 50–55. (in Russ.)
4. Kosov M.E. O kriteriiakh ravnovesiia neravnovesiia ekonomicheskoi sistemy [On the criteria of equilibrium disequilibrium of the economic system]. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii — Bulletin of the Moscow University of the Russian Interior Ministry, 2011, no 2, pp. 54–59. (in Russ.)
5. Balikhina N. V., Kosov M.E. Biudzhethno-nalogovoe regulirovanie investitsionnoi aktivnosti Rossiiskoi ekonomiki [Fiscal regulation of investment activities in the Russian economy]. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii — Bulletin of the Moscow University of the Russian Interior Ministry, 2013, no 11, pp. 186–191. (in Russ.)
6. Kosov M.E., Zelenskaia E. A. Biudzhethnye i nalogovye otnosheniia v gorode Moskva. Teoreticheskie i metodologicheskie aspekty: monografiia [Budgetary and fiscal relations in Moscow. Theoretical and methodological aspects: a monograph]. Moscow: Unity-Dana, 2010, 175 p. (in Russ.)
7. Kosov M.E. Maloe predprinimatel'stvo i ego rol' v protsesse innovatsionnogo razvitiia ekonomiki [Small business and its role in the process of innovation development of economy]. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova — Bulletin of the Kostroma Nekrasov State University, 2006, vol. 12, no 4, pp. 100–102. (in Russ.)
8. Drozdov V.V. Problema tipologii sotsial'no-ekonomicheskogo stroia sovremennoi Rossii v rabotakh zarubezhnykh analitikov [The problem of typology of socio-economic system in Russia in the works of contemporary foreign analysts]. Ekonomicheskaiia istoriia. Obozrenie — Economic History. Review, 2003, no 9, p. 79. (in Russ.)
9. Kosov M.E. Ravnovesie ekonomicheskoi sistemy: monografiia [Equilibrium of the economic system: a monograph]. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi torгово-ekonomicheskii universitet (RGTEU) — Russian State University of Trade and Economics, 2012, 294 p. (in Russ.)

REFERENCES

1. Drozdov V.V. Problema tipologii sotsial'no-ekonomicheskogo stroia sovremennoi Rossii v rabotakh zarubezhnykh analitikov [The problem of typology of socio-economic system in Russia in the works of contemporary foreign analysts]. Ekonomicheskaiia istoriia. Obozrenie — Economic History. Review, 2003, no 9, p. 79. (in Russ.)
2. Abalkin L.I. Razmyshleniia o dolgosrochnoi strategii, nauke i demokratii [Reflections on the long-term strategy, science and democracy]. Voprosy ekonomiki — Problems of Economics, 2006, no 12, p. 4. (in Russ.)
3. Kosov M.E. Tri fazy ekonomicheskogo issledovaniia [Three stages of economic
8. Drozdov V.V. Problema tipologii sotsial'no-ekonomicheskogo stroia sovremennoi Rossii v rabotakh zarubezhnykh analitikov [The problem of typology of socio-economic system in Russia in the works of contemporary foreign analysts]. Ekonomicheskaiia istoriia. Obozrenie — Economic History. Review, 2003, no 9, pp. 79–81. (in Russ.)
9. Kosov M.E. Ravnovesie ekonomicheskoi sistemy: monografiia [Equilibrium of the economic system: a monograph]. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi torгово-ekonomicheskii universitet (RGTEU) — Russian State University of Trade and Economics, 2012, 294 p. (in Russ.)